

III.

Сужденіе Толстого о Церкви.

Главное препятствіе для распространенія своего лжеученія Толстой совершенно справедливо усматриваетъ въ томъ вліяніи, какое производитъ на людей христіанская Церковь. Послѣ этого, понятно, почему онъ съ крайнею раздраженностію, полною непримиримой вражды и безграничной злобы, говоритъ всегда о Церкви и представителяхъ церковной іерархіи. Въ это время его оставляетъ хладнокровіе; онъ выходитъ изъ себя, кощунствуетъ надъ святынями, предъ которыми благоговѣтъ весь русскій народъ, хулить, клевететь, извращаетъ самые простые и очевидные факты, становится грубымъ и нахальнымъ. Вѣрить не хочется, чтобы такъ низко могъ пасть „великій писатель земли русской“... Впрочемъ, такое противорѣчіе между ученіемъ и поведеніемъ встрѣчается нерѣдко среди тѣхъ проповѣдниковъ мнимой истины, которые отвергли истину Христову. Шопенгауэру, предъ которымъ такъ восторженно благоговѣтъ Толстой, судя по его письму къ Фету отъ 30 августа 1869 года,—проповѣдь о безстрастїи и нирванѣ не помѣшала такъ приколотить собственными руками г-жу Маркетъ, что она стала неспособною къ труду и судъ заставилъ его въ теченіи двадцати лѣтъ уплачивать ей пенсію для прожитія. Толстой также проповѣдуетъ о великихъ добродѣтеляхъ—непротивленіи злу, любви ко врагамъ и всепрощеніи...

Сначала мы кратко изложимъ сужденіе Толстого о Церкви въ послѣдовательномъ порядкѣ его мыслей; а потомъ уже рассмотримъ это сужденіе въ частностяхъ.

„1800 лѣтъ тому назадъ среди языческаго Римскаго міра, говоритъ Толстой ¹⁾, явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, новое ученіе, *приписавшееся* человѣку Христу“... „*ученіе, отрицавшее не только всякія божества, — всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ, но и всякія чело-вѣческія учрежденія* и всякую необходимость въ нихъ. Въмѣсто всякихъ правилъ прежнихъ исповѣданій ученіе это выставяло

¹⁾ Ч. I, стр. 73.